Тореева Татьяна Александровна

ЧЕЛОВЕК КАК ЦЕННОСТЬ В "ТРАНСЦЕНДЕНТНОЙ АКСИОЛОГИИ"

Статья посвящена реконструкции представлений М. М. Тареева о человеке как особой ценности, сущность и природу которой определяют не только экзистенциальный, социально-исторический, но и метафизические планы бытия. Выявлены гносеологические предпосылки понимания русским философом человека и жизни в качестве "непреложных" ценностей, определены критерии, на основании которых М. М. Тареевым была разработана типология ценностей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/1/47.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1 (63). С. 179-183. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1; 091
Философские науки

Статья посвящена реконструкции представлений М. М. Тареева о человеке как особой ценности, сущность и природу которой определяют не только экзистенциальный, социально-исторический, но и метафизические планы бытия. Выявлены гносеологические предпосылки понимания русским философом человека и жизни в качестве «непреложных» ценностей, определены критерии, на основании которых М. М. Тареевым была разработана типология ценностей.

Ключевые слова и фразы: М. М. Тареев; человек; ценность; ценностные ориентации; типология ценностей; трансцендентная аксиология.

Тореева Татьяна Александровна, к. филос. н.
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
diogen04@yandex.ru

ЧЕЛОВЕК КАК ЦЕННОСТЬ В «ТРАНСЦЕНДЕНТНОЙ АКСИОЛОГИИ»©

В наши дни, в условиях обострения международной обстановки, усиления давления на Россию со стороны Запада и интенсификации идеологических выпадов против нашей страны, чрезвычайно важным представляется обращение к основам отечественной культуры, к духовному наследию русских мыслителей. Особенно значимым в этом плане является исследование взглядов тех отечественных философов, труды которых пока еще достаточно редко становились предметом специальных исследований. К числу таких философов вполне можно отнести М. М. Тареева (1867-1934). Одной из его важнейших интеллектуальных заслуг является последовательная разработка идеи ценности человека – идеи, столь актуально звучащей в современных условиях. Реконструкции данного круга представлений мыслителя, собственно, и посвящена данная статья.

Являясь ярким представителем духовно-академической среды, Тареев, тем не менее, в своём творчестве далеко выходил за её рамки, ставя и решая вопросы, нехарактерные для классического богословия. Его философские поиски во многом были инспирированы теми процессами, которые происходили в России на переломе XIX и XX вв.

Специфика позиции Тареева, который оставался вне любых ортодоксальных, философских и религиозно-богословских школ и направлений конца XIX – начала XX в., позволила ему разработать одну из наиболее оригинальных философских систем своего времени – «философию жизни». С помощью этого названия Тареев обозначал новый тип христианской философии, где основным объектом исследования полагалась «жизнь в вере», трактуемая как «высший, совершенный акт божественного творения». М. М. Тареева жизнь интересовала не сама по себе, а в сопряжении с процессами смыслополагания и индивидуализации сложного феномена «веросознания». Обосновывая свою «философию жизни», мыслитель дистанцировался и от «нового богословия», и от западноевропейского рационализма, и от отечественного религиозного обновленчества, и от немецкой «философии жизни».

Главными в его «философии жизни» стали мировоззренческие и методологические установки и ориентации, обоснованные в рамках христианской персонологии и «трансцендентной аксиологии».

Мировоззренческо-методологическим центром «философии жизни» русского мыслителя были «богословие сердца» и постулат об «экзистенциальном единстве человека», который предполагал отказ от традиционной дихотомии плоти и духа, веры и разума. Для Тареева человек являл собой единое существо, основными свойствами которого мыслитель считал: способность к вере как к творчеству, способность к трансцендированию, способность к целеполаганию и свободному выбору должного, способность к богопознанию и богообщению, способность к оперированию ценностями и к подчинению им своей жизни.

Попытка Тареева создать оригинальную концепцию ценностей была обусловлена анализом общей картины изменений, произошедших в русском обществе под влиянием череды революций и кардинальной смены ценностных, мировоззренческих приоритетов. М. М. Тареев, с одной стороны, считал, что природа человека богоданна и в силу этого неизменна, но, с другой стороны, – человек историчен: вынужденное пребывание в истории накладывает на него отпечаток неизбежной изменчивости и ставит вопрос о достижениях и просчётах в использовании его культурных (а значит «ценностно-сообразных» [6, с. 318]) возможностей.

В силу своей соотнесённости с божественным порядком тварного мира, индивид, считал Тареев, постоянно оказывался в центре любых трансформаций, происходящих одновременно в его жизни, природе и истории; он объективно сохранял свою дихотомичность, «двумирность». Эта «двумирность» могла «сниматься» только в результате правильно выбранных ценностных ориентаций, связанных с процессами трансцендирования.

По мнению Тареева, особое место в жизни человека занимают «вопросы освоения им истории и культуры как объективаций трансцендентного» [Там же, с. 85]. При этом «освоение истории» происходит не только благодаря «верознанию», но и благодаря способности людей удовлетворять свои «коренные культурные запросы». К числу последних Тареев относит потребность в вере (потребность в высшем), потребность в жизни, наполненной смыслом, потребность в идеале, «подтверждённом трансцендентально» [Там же, с. 87], потребность в творческой реализации.

© Тореева Т. А., 2016

Под потребностью русский философ понимает «желание, требующее удовлетворения, и связанный с ним интерес» [Там же, с. 88]. Именно это желание лежит в основе ценности – особого отношения человека к тому, что для него имеет значение.

Природа ценностей, по Тарееву, сложна и неоднозначна. С одной стороны, аккумулируя исторический опыт человека, ценность фиксирует его «здешнее» бытие в системе образующих его отношений и взаимодействий. С другой стороны, ценность укореняется в «опыте трансцендентного»; она ориентируется на потребность человека в высшем, идеальном, сакральном. Двойственная природа ценностей отражает двойственную природу самого человека: с помощью ценностей человек соотносится не только с «экзистенциальной историей», отыскивая свои «горизонты памяти», свою «тропу из суеты в суть», но и корреспондируется с историей священной, оказываясь в перекрестье культурной традиции и традиции сакральной, обретая свою подлинную человечность, «истинную меру своей жизни».

«Поворот к ценностям» [Там же, с. 298], полагал Тареев, всегда возникает в критический момент историко-культурного развития, когда в повседневной жизни существенно акцентируется общесоциальная потребность пристально вглядеться в прошлое, чтобы обратить его опыт к настоящему и будущему.

Ценности «лонгитюдны», они «длительны», «протяжённы» в пространстве и времени, придают жизни смысл. При этом Тареев говорит в первую очередь о духовных ценностях: материальные ценности для него – лишь производны от духовных; они не существуют автономно. Духовные же ценности первичны, «первоприродны», они связаны с «опытом веры» того или иного народа.

Кризис российской цивилизации, кризис европейской культуры, по мнению русского философа, свидетельствуют об «исчерпанности» ценностей предшествующей эпохи, что требует всестороннего осмысления процесса их трансформации, деформации и «смерти». На этой основе Тареев делит ценности на те, которые не меняются во времени, – «абсолютные» [Там же, с. 314], и те, которые во времени изменяются, – «относительные» [Там же, с. 312].

Превалирование в жизни современного мыслителю человека интересов и потребностей, «отражающих настоящее», приводит, с точки зрения Тареева, к тому, что этот человек всё больше устремляется к выходу за пределы своей жизни, не ограничивающейся в сознании индивида только датами рождения и смерти. Закономерным для индивида становится осознание влияния абсолютных ценностей на свою жизнь. Одновременно он пытается мыслить себя, прежде всего, в контексте исторического времени, ориентируясь как на свои исторические, культурные корни, так и на социально-культурные идеалы и возможности их реализации в будущем. Таким образом, ценности у Тареева не только связаны с временными характеристиками человеческого бытия, но и с перспективами человеческого существования в «горизонте подлинности, горизонте будущего». Иными словами, характер ценностей как духовных феноменов определяет характер бытия индивида и даёт ему направление развития.

М. М. Тареев, признавая абсолютность ценностей в «их сакральной ипостаси» [Там же, с. 333], настаивает, тем не менее, на исторической подвижности данного явления, на его изменчивости, «референтности» и регулятивности.

Влияя на смысложизненные ориентации личности, ценности репрезентуют внутренний мир человека, проясняют мотивы его деятельности, цели, приоритеты самоутверждения. Поэтому выбор ценностей говорит о скрытом в человеке, о его истинной природе и «подлинном служении», о «механизмах его уподобления». Иными словами, согласно Тарееву, выбор ценностей показывает, как и почему человек совершает свой экзистенциальный выбор, почему он становится именно таким, а не иным.

Ценности, по Тарееву, открыто проявляются только в процессе деятельностного воплощения человека – в «трудничестве». В других случаях они скрыты, составляя глубинное основание человеческого существа. Объективируясь, ценности не являются механическим отражением потребностей или жизненного опыта индивида, скорее, они сами организуют этот опыт, «реферируют» его, выступая как особая «смысловая структура», определяющая поведение индивида на основе стимулированного ценностными предпочтениями выбора. Поэтому Тареев резко выступает и против материалистического понимания ценностей, и против их последовательного идеалистического толкования. Как и при разработке онтогносеологических проблем, Тареев последовательно отстаивает концепцию продуктивного синтеза, снимающего традиционные философские диспозиции. Именно такой подход позволил ему не только по-новому определить природу ценностей как «смысложизненных сообразностей», но и построить их типологию, основанную на данном определении.

Критериями типологической иерархии ценностей в концепции Тареева выступают: объекты ценностных отношений, прокламируемые идеалы, способы и цели объективации ценностей.

К важнейшим («непреложным») ценностям Тареев относит жизнь, веру, человека, творчество, знание, любовь. К абсолютным ценностям в его типологии относятся Бог, Абсолютное, Добро, Красота, Истина, Благо. Это – беспредпосылочные ценности, не требующие дополнительного обоснования, но выступающие базой для всех иных ценностей, которые относительны и производны.

Типология ценностей Тареева включает, помимо ценностей «непреложных», абсолютных и относительных, ценности профанные и сакральные, религиозные, нерелигиозные, внерелигиозные, духовные и недуховные, общественные и индивидуальные, личные и групповые, экзистенциальные и метафизические. Следует подчеркнуть, что для Тареева было характерно расширительное толкование ценностей: он никогда не стремился к рационализации данного понятия, что существенно затрудняет выявление содержания понятия «ценность» в тареевском истолковании.

Для русского мыслителя характерны контекстуальное определение понятия «ценность», его «понимающая» интерпретация. Вместе с тем, он достаточно последовательно связывает проблему ценностей с христианской персонологией и антропологией, с вопросами личностного совершенствования верующего перед лицом Христа.

«Трансцендентная аксиология» Тареева не была последовательной и строго обоснованной, но она в полной мере отражала его христологические ориентации и попытку «включить в ифику религиозно-мистическое начало» [3, с. 136]. Концепция ценностей русского мыслителя, строго говоря, была нацелена на выявление степени применимости евангельских истин к реальной жизни и на их использование как безусловных оснований ценностных ориентаций и отношений. В этом смысле абсолютные ценности у Тареева выступают как своеобразные априорные формы экзистенциального опыта истинно верующего человека, что сообщает его «трансцендентной аксиологии» вид своеобразной «гносеологии духа».

С другой стороны, концепция ценностей Тареева проясняет общечеловеческие задачи, вставшие перед обществом в момент кризиса веры, и фиксирует «элементы», гарантирующие целостность и внутреннее единство христианской религиозно-философской антропологии. М. М. Тареева, по сути, интересует только один главный вопрос: каким образом жизнь каждого православного верующего можно наполнить высоким ценностным смыслом? Концепция ценностей русского религиозного мыслителя призвана была помочь каждому верующему в его жизненном определении, вернуть истины христианства в конкретику действительного существования индивида.

Учитывая сказанное, становится понятным, почему именно человек с его «христологическим подобием» рассматривается Тареевым как главная экзистенциальная и «непреложная» ценность: «качество» человека определяет качество его веры, а значит, – и качество всей жизни, всего существования социума.

Кроме того, необходимо принять во внимание, что, согласно Тареву, в православии социальная реализация ценностей христианства постоянно наталкивалась на разного рода препоны, на последствия двоеверия и петровских реформ в церковной сфере. Выработка и реализация программы «оцерковления культуры» шла с большим трудом и предполагала новую постановку вопроса о «встрече» Церкви и общества, христианства и культуры. Связующим звеном этой «встречи», по Тареву, был субъект – человек, пребывающий на перепутье Царства Св. Духа и Царства Необходимости. Поэтому любые изыскания в этой области (в том числе и аксиологические) неизбежно требовали обращения к антропологической проблематике и разработки взаимосвязанных концепций метафизического, аксиологического и праксеологического свойства.

Для Тареева характерно обращение в первую очередь к «трансцендентной аксиологии», ставящей и решающей на основе православного душесловия проблему цели и смысла человеческой жизни, проблему ценности индивида, обладающего одновременно феноменальным и ноуменальным статусом. При этом «трансцендентная аксиология» рассматривается русским мыслителем как «философия жизни». Значимым для нее является выяснение вопроса о том, что позволяет личности задавать себе «трансцендентные» ценностные ориентиры и следовать им.

Отвечая на этот вопрос, М. М. Тареев руководствовался как минимум двумя установками. Для него был характерен, во-первых, православный кенотизм, во-вторых, – стремление видеть смысл жизни человека в изучении земной славы Спасителя и следовании по пути славы Божьей с целью реализации идеи правды. В этом плане Тареев исходил из «признания положения о том, что источник подлинного существования личности коренится в Абсолютной Личности, несомненно всесовершенной и сверхреальной» [Там же, с. 134]. Кроме того, он исходил из христианского персоноцентризма: его метафизическое учение имело нравственную подоплёку, оправдывало определённую ценностную картину мироздания. И в этой картине человек как богоподобное существо занимал центральное (после, разумеется, Бога) место.

Отношение Тареева к человеку как «непреложной» ценности не только персоноцентрично; оно базируется на сложной диалектике «лика-лица-личины», которая отражает диалектику ценностного смыслополагания личности в пространстве её исторического бытия.

Трактуя человека как «непреложную» ценность, Тареев предпринял попытку сочетания онтологического и экзистенциального планов в объяснении аксиологического потенциала личности. Следствием соединения религиозной онтологии и христианского экзистенциализма явилось формирование своеобразной феноменологической аналитики православной персонологии, сформировавшейся в учение Тареева о «Лице».

В понимании Тареевым человека как «непреложной» ценности проявляется несколько характерных мировоззренческих и методологических установок, которые и определяют своеобразие «трансцендентной аксиологии» русского философа.

Во-первых, Тареев разделяет идеи антропологического теоморфизма: рассмотрение человека как ценности предполагает его трактовку как образа божия. Человек является ценностью из-за своего богоподобия, своей тварности, своего предназначения. Богоподобие определяет «меру» ценности человека в масштабах трансцендентного, тварность обусловливает ценность индивида в рамках его исторического бытия, предназначение, определяемое верой, влияет на смысложизненные ориентации личности, задавая вектор её самоутверждения в пространстве личностного бытия (экзистенции).

Во-вторых, Тареев опирается в своей «трансцендентной аксиологии» на идеи духовно-антропологического натурализма, согласно которому бытие человека как «непреложной» ценности определяется его духовностью, самодостаточной и независимой от «внешних понуждений». Она составляет «сердцевину» личности, её «смысловую квинтэссенцию». Поэтому «человек как ценность утверждает духовность в качестве первопринципа бытия». Его «аксиологический потенциал» измеряется его духовной сущностью, его способностью к «верознанию», способностью к христианскому миропониманию и «трудничеству», на нём основанному [6].

Тареев полагает, что духовная природа человека имманентна историческому процессу, а объективация духовности исторической личности осуществляется в формах социального общежития, социального служения. Поэтому исследование человека как ценности связано в философии Тареева с христианской историософской моделью, согласно которой конечная цель мировой истории совпадает с целью личности, согласуется с бессмертием её души, а следовательно, находится в сфере трансцендентного. Данная установка противостояла тенденции, сложившейся в западноевропейской философии, когда «индивидуум с его субъективными потребностями, влечениями и склонностями признавался бесправным и бесследно исчезающим моментом в единой субстанции общего мирового духа и абсолютного» [2, с. 47].

М. М. Тареев последовательно выступает против «деперсонофикации» аксиологии, полагая, что обновление христианства и возвращение ему высокого социального статуса связано с отказом от его рассмотрения как «идеологии государства или нации». Он с полным правом мог бы повторить вслед за Р. Гвардини, что «подлинное личное начало с его ценностями исчезло из европейского сознания вместе с отказом от Откровения» [1, с. 291].

Однако позиционирование человека как «непреложной» ценности не было сопряжено в философии Тареева ни с традиционной в этом случае попыткой построения антроподицеи, ни с разработкой нового варианта теодицеи. М. М. Тареев акцентировал иные – экзистенциально-мистические – смыслы человеческого бытия, трактуя значимость человека как существа, способного к деятельному восполнению несовершенства социально-исторического мира. Эту функцию «восполнения» мыслитель рассматривал в сопряжении с диалектикой личности, её «активизмом» и самоутверждением, самоактуализацией как перманентным процессом полагания трансцендентного в имманентном.

При этом человек рассматривался русским философом как ценность только при условии сохранения им веры в личного Бога. Сохранение этой веры обусловливает сохранение трансцендентного идеала, содержащего в себе указание на абсолютное благо и абсолютную цель. Данный идеал в свою очередь обусловливает порядок ценностей, их содержание и иерархическую выстроенность и противостоит, по мнению Тареева, «разрыву» экзистенциальной соподчинённости «царства необходимости» [6, с. 328] и «царства свободы» [Там же, с. 326], не давая смешивать две противоположные «онтологические сферы» человеческого существования. В данном случае мыслитель основывается на традиционном христианском понимании соотношения внутреннесущностных (ноуменальных) и внешне-событийных (феноменальных) сторон человеческого бытия.

Рассматривая человека как «непреложную» ценность, Тареев не игнорирует его дихотомичность, но подчеркивает её. С его точки зрения, человек не может избавиться от своего естества, от своей отягощенности материей. Поэтому любая личность – изначально носитель противоречий человеческой натуры, что, однако, не мешает считать её ценностью, как в ноуменальном, так и в феноменальном планах. Данная установка сообщает тареевской аксиологии характер «живого мировоззрения», «глубинного жизнепонимания» [4, с. 10].

Синтез веры и знания, трансцендентного и имманентного в философии Тареева – это не механическое смешивание того, что невозможно смешать, но продуктивное взаимодополнение двойственных начал, взаимодополнение, гарантом которого является человек, его духовность, сознание, его «умное сердце», «верующее мышление». Ценность человека, убежден мыслитель, определяется не только его богосообразностью, богоподобием, но и его «онтогносеологическим потенциалом», местом, которое он занимает в христианской картине мира.

Человек, согласно Тареву, являет собой одновременно «тайну» и «прозрачность»; он – существо верующее и разумное, свободное и независимое. В этом плане ценность его определяется также тем, что он выступает как «идеальная модель» для всего тварного, соединяющая противоположности, присущие тварному, в своей цельности, в своей «жизненной структуре».

В философии М. М. Тареева человек является субъектом не только рационального, но и мистического, то есть духовного, постижения бытия. Его существование как «непреложной» ценности определяется и его способностью к духовному опыту, умозрению, к соединению в себе – одном, едином – тела и духа, плотского и глубоко духовного. При этом духовный опыт понимается Тареевым как способность возвышения человека к Богу, а в его лице возвышения всего человечества. Эта способность, по сути, выступает «движетелем» истории, определяя её вектор, её смысл, её конечную цель.

Духовный опыт определяет способность человека к самосовершенствованию, к «идеалосообразности», способность к очищению тела, помыслов, желаний, способность к «простраиванию жизни». Поэтому рассмотрение человека как ценности позволяет мыслителю обосновать «правильные» жизненные стратегии личности, что было чрезвычайно важно в ситуации культурного слома конца XIX – начала XX в.

Кроме того, позиционирование Тареевым человека в качестве «непреложной» ценности даёт ему возможность по-новому решить вопрос о присутствии Вечного во времени, то есть вопрос о христианской надежде на преображение, на распознавание «Иного», «Другого» в «своём», в «посюстороннем».

Опираясь на постулаты христианской персонологии, русский философ полагает, что всякий человек осознаёт себя как единственную причину и цель всех своих произвольных действий. Это осознание обладает всеобщностью и необходимостью. Оно всегда присуще человеку, так как определяется не развитием человека, а самим фактом существования его в качестве личности. Человек не может сохранить своё естество, не может остаться человеком в собственном смысле слова, если он попытается «убежать из истории», выйти за границы своего существования. Поэтому бытие человека как «непреложной» ценности всегда связано с драмой его исторической экзистенции как результатом столкновения его потенциального совершенства и актуального несовершенства.

Человек, как бы он не совершенствовал себя во времени действительной жизни, не может, тем не менее, добиться полноты бытия и совершенного сопряжения с вечностью [6, с. 378], – подчеркивает Тареев. Вовлечённость в эмпирический мир, мир временный, зависимость от своей физической природы делают человека лишь стремящимся к вечной свободе, но никогда не достигающим её в полной мере. Поэтому бытие человека как «непреложной» ценности всегда противоречиво, и эта противоречивость обусловлена его историческим (то есть временным) несовершенством, его пребыванием во времени.

Принципом, позволяющим «снять» несовершенное в потенциально-совершенной личности, является в философии Тареева принцип религиозного диалогизма: богообщение выступает как условие восстановления изначальной целостности человека в качестве «вечного» образа и подобия Бога. Отсюда понятно значение этического императивизма в «трансцендентной аксиологии» Тареева. Он использует постулаты православной ифики для обоснования концепции долженствования, для разработки метафизических смыслов учения о «Лице».

Путь утверждения человека как ценности в рамках исторического бытия не только сопряжён с богообщением, но предполагает богопознание.

Путь богопознания для Тареева – это путь «динамической интеллектуализации», основу которой составляют не просто понятия, концепции, но «образы-понятия», трактуемые в платоновском духе и позволяющие охватить божественную реальность в непротиворечивой цельности и полноте.

В данном случае человек как «непреложная» ценность рассматривается Тареевым в «ракурсе» его познавательного потенциала. Только у верующего человека знание выступает как продукт внутреннего чувства и «внешней» дискурсивности, как проявление его способности к гармонизации представлений о Боге, мире и самом себе на основе соединения строгих, логически безупречных формул с философемами – продуктами возвышенного профетического откровения, а также с постулатами духовно-нравственного совершенствования и с «интуициями мистических прозрений».

В человеке, таким образом, соединяются и ценности знания и ценности веры, сообщая ему способность к духовному самовозрастанию и пророческому откровению. Все эти идеи дополняются в философии Тареева «динамическим» взглядом на природу и сущность человека.

Признавая необходимость вечного становления человека во времени истории, Тареев связывает этот процесс с возрастанием меры его человечности. Под этим понятием подразумевается не столько «богосообразность», сколько «сообразность творению», то есть коммунитарный потенциал личности. Человек как ценность в «трансцендентной аксиологии» русского философа репрезентирует не только смыслы своего индивидуального существования, но идеалы «христианского братства» как потенциального богочеловечества. Поэтому как «непреложная» ценность индивид всегда указывает на гораздо большее, чем он сам является в данный момент времени. Именно поэтому без каждого конкретного индивида «мир не полон». Человек олицетворяет собой идеал «соборного сознания», допускающего «величие индивидуальности лишь в контексте её диалога с множеством других подобный ей “Я” и каждой отдельной личности с Богом» [3, с. 130].

В заключение отметим, что исследование творческого наследия М. М. Тареева, его философско-антропологических и аксиологических взглядов представляется весьма важным для уточнения представлений о динамике историко-философского процесса в нашей стране. Не менее значимые результаты дает современное прочтение тех идей мыслителя, которые связаны с высокой оценкой человека, его способности стремиться к самосовершенствованию, к реализации идеалов. Гуманистический потенциал этих построений М. М. Тареева делает их важными и актуальными для современной России.

Список литературы

1. **Гвардини Р.** Конец нового времени. – Феномен человека. Антология. М., 1993. 336 с.
2. **Олесницкий М. А.** Нравственный прогресс // Труды Киевской духовной академии. 1884. № 12.
3. **Пишун С. В.** Православная персонология и духовно-академическая философия XIX века. М., 1996. 224 с.
4. **Смирнов К. А.** Имманентная философия христианства. Петроград, 1914. 658 с.
5. **Тареев М. М.** Избранное: репринт. Сергиев-Посад, 2000. 366 с.
6. **Тареев М. М.** Философия жизни. Сергиев-Посад, 1917. 380 с.

MAN AS A VALUE IN “TRANSCENDENT AXIOLOGY”

Toreeva Tat'yana Aleksandrovna, Ph. D. in Philosophy
Lomonosov Moscow State University
diogen04@yandex.ru

The article is devoted to the reconstruction of the ideas by M. M. Tareev about a man as a special value, the essence and nature of which are defined not only by the existential, social-historic, but also metaphysical planes of existence. The gnosiological prerequisites of the understanding of a man and life as “incontestable” values by the Russian philosopher are revealed, the criteria are defined, on the basis of which the typology of values was developed by M. M. Tareev.

Key words and phrases: M. M. Tareev; man; value; value orientations; typology of values; transcendent axiology.